

УДК 316+929

ФОРМАТ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ? (историографические заметки)

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается более чем вековая историография взглядов Н. Г. Чернышевского на способ изменения общественной жизни России.

Ключевые слова: взгляды Н. Г. Чернышевского, историография, революция, эволюция, социальное изменение.

**Format of Social Change in N. G. Chernyshevsky's
Creativity: Evolution or Revolution? (Historiographic Notes)**

Ya. A. Nikiforov

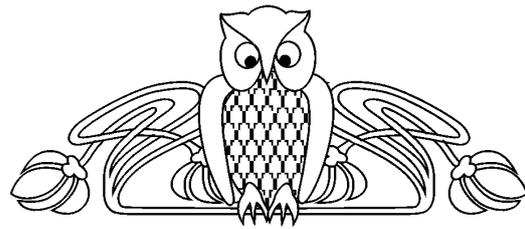
In article historiography of views of N. Chernyshevsky for a way of change of social life of Russia is considered.

Key words: N. G. Chernyshevsky's views, historiography, revolution, evolution, social change.

Литература об Н. Г. Чернышевском, посвящённая сути заявленной проблемы, делится на три неравнозначные по объёму, но концептуально различные группы. Условно назовём их досоветская, советская и постсоветская. Первая – книги, написанные до 1930-х гг. Дискуссия о радикальности социального настроения творчества мыслителя носила полемичный характер, не ограниченный до поры никакими рамками. Трудность, однако, заключалась (и сегодня заключается) в том, что труды Чернышевского являются плодотворной почвой как для заключений о его революционности, так и для выводов о пропаганде им мирного общественного пути развития России.

К числу наиболее значимых сочинений обозначенного периода можно отнести работы Р. В. Иванова-Разумника, А. А. Корнилова, Н. Денисюка (считавших его приверженцем реформ) и Ю. М. Стеклова, Г. В. Плеханова и В. И. Ленина (признававших революционный пафос творчества Чернышевского).

А. А. Корнилов объективно характеризовал Чернышевского как социалиста, но революционером никогда не признавал, ибо из основополагающих идей мировоззрения мыслителя этого не видно. Радикальный дух статей демократа он объяснял тем, что адресованы они были широким кругам общественности. Ими Чернышевский надеялся сформировать мощное оппозиционное движение, давление которого на власть могло бы вынудить ее к серьезным основательным рефор-

мам. Говоря о начале царствования Александра II, Корнилов отметил, что, объединенные надеждами на молодого, прогрессивно мыслящего царя, все представители российской общественной мысли выражали «полное единодушие, и Чернышевский охотно протягивал руку для совместной и единомышленной деятельности и славянофилам, ... и своим петербургским собратам»¹, и в то время он не хотел чрезвычайно решительных мер, веря в намерения императора провести коренные преобразования. Корнилов не осуждал его за радикализм в вопросе отмены крепостного права, ибо сам видел, что требования передовых общественных групп России, причем не только радикального лагеря, переросли предложения правительства, а объявление воли в марте 1861 г. не удовлетворяло самих крестьян, не говоря уже о радикальных кругах общества. По мнению Корнилова, преувеличенное представление о готовности народных масс к активному выступлению погубило Чернышевского².

Соглашаясь с распространенным среди общественности мнением о невинности Чернышевского, Н. Денисюк утверждал, что он никогда не был революционером «в вульгарном смысле этого слова» и даже правительственные репрессии и полицейский разгул вряд ли могли толкнуть его на революционную борьбу. «Его вера в торжество разума, его мирозерцание, прошедшее через школу утопистов, придававших исключительное значение просветлению ума людей, его отвращение ото всякого насилия, от всяческих грубых форм борьбы, его вера в конечное торжество справедливости, его объективный ум, ясный покой души, его философская натура, более склонная к исследованию и познанию, чем к хотению и революционной борьбе, наконец, его трезвый ум, подсказывавший ему, что политически зрелый элемент в русском обществе слишком слаб и малочислен, чтобы опираться на реальные соотношения сил, – никогда не могли сделать его никем иным, как только борцом в идейном смысле»³. Денисюк отрицает крайнюю революционность Чернышевского, приписанную ему в последующем. Чернышевский, указывает он, и сам прекрасно понимал, что его фигура кабинетного ученого и теоретика была бы смешна на баррикаде, с оружием в руках. Это, по его же словам, сделало бы его «бараном, который вздумал кричать козлом»⁴. Денисюк удачно назвал Чернышевского «революционером за письменным столом», чего власти боялись больше, чем баррикад.

Интересную позицию по отношению к Чернышевскому выработал Р. В. Иванов-Разумник. Он полагает, что Чернышевский не был социалистом-утопистом. До него эти идеи были разработаны В. Г. Белинским, петрашевцами и А. И. Герценом. Что же касается романа «Что делать?», то Иванов-Разумник считает, что тот был написан исключительно с пропагандистской целью⁵. Он предлагает обратиться к отзывам Чернышевского о системах утопического социализма в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Утопический социализм пережил сам себя; сражаться с ним в середине XIX века так же смешно, как, например, начать отечественную войну с идеями Вольтера; все это дела давно минувших дней, дела времен очаковских и покорения Крыма»⁶. Ставя дилемму – «Национальное богатство или народное благосостояние?», Чернышевский отмечает различие этих понятий, указав, что «нация» к «народу» относится так же, как и «право» к «распределению». Иванов-Разумник приводит мысль Чернышевского: «...мы всегда готовы стать на стороне той партии, которая успеет доказать, что ее решение вопроса сообразно с народным благосостоянием»⁷, но замечает, что мыслитель никогда не противопоставлял нацию народу и богатство благосостоянию. Его идеал – их гармоничное сосуществование. Если же национальное богатство и народное благосостояние противостоят друг другу, то выбор однозначно делался им в пользу последнего. Иванов-Разумник тщательно разбирает и характеризует теорию Чернышевского как народническую, останавливаясь на тех частностях, как, например, проблема национализации земли, чего требовал Чернышевский одновременно с освобождением крестьян. Отсюда и вера «в возможность для России миновать капиталистический фазис развития, вера в ее особый путь в буквальном значении этого слова»⁸.

В своей большой работе Ю. М. Стеклов сосредоточил основное внимание на выяснении исторического мировоззрения Чернышевского и говорил о нем как о деятеле, который в «материалистическом смысле» разрешал вопрос «между идеалами и действительностью... применял материалистический метод и к толкованию истории... во многих отношениях близко подошел к современному материалистическому пониманию истории»⁹.

Стеклов пишет, что Чернышевский «по нерешительному и вялому складу своего характера, по своей непрактичности и книжности» не принимал непосредственного участия в революционной борьбе, но знал о всех проявлениях ее, и с ним совещались и считались революционеры¹⁰.

Суждения о Чернышевском Г. В. Плеханова были несколько иными. Говоря об огромном влиянии его «на развитие нашей революционной интеллигенции»¹¹, главным пробелом в мировоззрении мыслителя он видел недооценку им роли пролетариата, классовой борьбы и неточное

определение экономических условий, по которым развивается Запад. Если бы все это Чернышевский выяснил верно, то «лучше оценил бы тогда историческую роль пролетариата»¹².

Плеханов же и заметил ту особенность воззрений Чернышевского, которая позволила впоследствии превратить его в главу революционного движения России середины XIX в., кем он не был и к чему не стремился. «Между Н. Г. Чернышевским и нынешними его будто бы последователями та огромная разница, что они относятся догматически к тому самому предмету, к которому он относился критически»¹³. К сожалению, Чернышевский был не властен над судьбой своих воззрений, исказившей его образ в последующие годы.

Значительное влияние на историографию оказала оценка В. И. Лениным Чернышевского как «русского великого социалиста домарковского периода», «гениального провидца»¹⁴. Ленин характеризовал Чернышевского как революционера, считая его предтечей русской социал-демократии. В книге «Что делать?» Ленин писал: «...мы хотим лишь указать, что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов»¹⁵.

В советской историографии 1930-х – конца 1980-х гг. ленинская концепция «Чернышевский – революционер» строго соблюдалась. Выходившие после середины 30-х гг. книги о нем отличались объемом и содержанием, но не суждениями. Литература оказалась вынужденной пойти по проторенному пути: Чернышевский неизменно представлялся как революционный демократ, который верил в решающую историческую роль народных масс в истории и в крестьянскую революцию.

Будучи типичным представителем авторского сообщества литературы того времени о Чернышевском, Б. И. Горев давал оценки с ленинской прямотой. Особенно им подчеркивалась революционность Чернышевского, который, по его мнению, «впервые поставил проблему крестьянского вооруженного восстания как очередную и притом практическую задачу, требовавшую не только политической, но и военно-технической подготовки». Поэтому он был не только идейным вождем целого поколения революционеров, «не только готовил штаб будущей революции, но и сам обнаруживал, несомненно, задатки практического политического вождя»¹⁶. Испытывая на себе его огромное и общепризнанное идейное руководство, «отдельные революционеры и руководители революционных кружков, несомненно, в ряде случаев советовались с Чернышевским, обсуждали с ним те или иные планы и революционные перспективы»¹⁷.

В книге С. А. Покровского есть глава, которая, исходя из названия («Реформа и революция»), должна была прояснить, как Чернышевский разрешает это дихотомическое противоречие. Но автор сосредоточился на том, чтобы «дать отпор реакционной литературе, стремящейся представить Н. Г. Чернышевского сторонником мирного развития». Резюме не отличается новизной: «В практической деятельности и литературном творчестве Чернышевского ... основное – это вера в народную революцию, ожидание и подготовка её»¹⁸.

Своеобразным «прорывом» в исследовании творчества Чернышевского стал период конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. Советская историческая наука тогда обрела на некоторое время новое дыхание, и изучение мировоззрения мыслителя пошло более оживленно. Градус радикализма Чернышевского в интерпретации исследователей немного снизился. Значительное место анализу его программы отвел в своей работе об общественном движении 60–70-х годов XIX в. Ш. М. Левин. Он показывает Чернышевского как убежденного сторонника общинного землевладения, поскольку, во-первых, в нем он видел средство против пролетаризации крестьянства, во-вторых, рассматривал его как институт, способный в будущем облегчить переход России к социалистическому обществу. Не было у Чернышевского враждебного и пренебрежительного отношения к либерализму, указывает Левин. Русский демократ объективно оценивал идеи своих противников и, если находил в них действительно ценные и интересные позиции, то всегда акцентировал на них внимание¹⁹.

Тем не менее, литература 1970–1980 гг. о Чернышевском возвращается к унылому обсуждению темы революционного представления мыслителя о формате изменения общественной жизни. Из книги в книгу он «обосновывал революционно-демократическую концепцию исторического процесса». Например, из статьи Л. Г. Олева можно в очередной раз узнать, что «излагая свои представления о перспективах развития России, он связывает их ... с неодолимым ожиданием близкой революции»²⁰.

Литература постсоветского периода представлена в большей степени спекулятивными репликами в адрес Н. Г. Чернышевского, причём совершенно различного толка. Авторы в своём желании дистанцироваться как можно дальше от основных установок советской идеологии доходят до совершенно крайних оценочных полюсов. Только два примера: «Чернышевский – аутист, бредущий на ощупь в испарениях собственного воображения»²¹; «Н. Г. Ч., по сути дела, дал русскому обществу систему глубоко христианских ценностей, секуляризованных в современной ему позитивистской одежде»²².

Из крупных специальных работ, касающихся существа рассматриваемого вопроса, можно назвать только монографию В. Ф. Антонова. В книге

осуществлен капитальный (и очень далекий от традиции) пересмотр политических, социально-экономических и исторических взглядов Чернышевского, который, по мнению автора, считал «лучшей формой административно-политического устройства страны» федерацию, «основанную на самоуправлении». При этом Чернышевским «отвергнута идея насилия как средства общественного преобразования. Старые общественные отношения должны быть реформированы сверху... Чернышевский в этом деле целиком полагался на просвещенного и проводящего реформы монарха»²³.

Совершенно очевидно, что более чем столетняя историография Чернышевского в силу разнообразных причин так и не дала окончательного ответа на вопрос, считал ли он революцию или мирный путь предпочтительным в деле переустройства России. Большим подспорьем для исследования взглядов мыслителя сегодня является то, что практически всё, им написанное, опубликовано в годы советской власти. Полное шестнадцатитомное Собрание сочинений Чернышевского, изданное в 1939–1953 гг., представляет собой исчерпывающую документальную базу, позволяющую разобраться, каковы были его истинные взгляды на способ изменения общественной жизни.

Примечания

- 1 Корнилов А. А. Чернышевский и крестьянская реформа // Русская мысль. 1910. Кн. 1. С. 2.
- 2 Там же. С. 26.
- 3 Денисюк Н. Николай Гаврилович Чернышевский. Его время, жизнь и сочинения. М., 1908. С. 98.
- 4 Там же. С. 150.
- 5 См.: Иванов-Разумник Р. В. Герцен и Чернышевский // Критическая литература о произведениях Н. Г. Чернышевского. М., 1908. С. 161.
- 6 Там же. С. 162.
- 7 Там же. С. 163.
- 8 Там же. С. 171.
- 9 Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность (1828–1889). СПб., 1909. С. 132.
- 10 Там же. С. 383–391.
- 11 Плеханов Г. В. Несколько слов в защиту экономического материализма // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 219.
- 12 Там же. С. 144.
- 13 Там же. Т. 1. С. 138.
- 14 Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. Т. 31. С. 52 ; Т. 1. С. 264.
- 15 Там же. Т. 5. С. 342.
- 16 Горев Б. И. Н. Г. Чернышевский. Мыслитель и революционер. М., 1934. С. 100.
- 17 Там же. С. 29.
- 18 Покровский С. А. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952. С. 264.

- ¹⁹ См.: Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. М., 1958. С. 121.
- ²⁰ Олех Л. Г. На пути от утопического к научному социализму // Н. Г. Чернышевский и его наследие. Новосибирск, 1980. С. 91.
- ²¹ Бойко М. Со дня рождения Николая Чернышевского –

180 лет // НГ Ex Libris. Приложение к «Независимой газете». 2008. 7 окт.

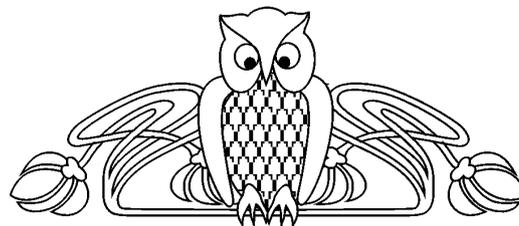
- ²² Кантор В. Срубленное древо жизни // Октябрь. 2000. № 2.
- ²³ Антонов В. Ф. Н. Г. Чернышевский : общественный идеал анархиста. М., 2000. С. 194.

УДК 316.334.2

ЗАЕМНЫЙ ТРУД И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Р. Р. Злобин

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: ruslan.zlobin.87@mail.ru

В статье рассматривается одна из форм гибкого рынка труда – заемный труд по лизинговой схеме. Сопоставлены экономические причины этой формы и ее социальные последствия. Представлено отрицательное отношение профсоюзов к быстрому распространению заемного труда в России. Сделан вывод, что такое распространение разрушает систему социальной защиты наемных работников.

Ключевые слова: заемный труд, лизинг персонала, профсоюзы, социальная защита, трудовые отношения.

Clause: Extra Work and Social Protection of Hired Workers

R. R. Zlobin

In article examine one of forms of a flexible labour market – extra work under the leasing scheme is considered. The economic reasons of this form and its social consequences are compared. The negative attitude of trade unions to fast distribution of extra work is presented to Russia. It is drawn a conclusion, that such distribution destroys system of social protection of hired workers.

Key words: extra work, leasing of the personnel, trade unions, social protection, labour attitudes.

Реальная проблема, возникающая в результате усиления гибкости системы трудовых отношений, состоит в поиске оптимального баланса между экономической эффективностью и сохранением основных трудовых прав работников, их социальной защищенностью. Отражением стремления разрешить эту проблему стало распространение термина «flexicurity», представляющего собой соединение понятий «flexibility» (гибкость) и «security» (сохранение достигнутого уровня социальных прав). По мнению современных исследователей, в России (как, впрочем, и в других странах) распространена нестандартная занятость, которая может включать: неполную занятость; сверхурочную занятость; временную занятость (на основе договоров, рассчитанных на определенный срок); случайную занятость; занятость на основе договоров гражданско-правового характера; занятость в компаниях, осуществляющих лизинг персонала; вторичную занятость; неформальную занятость, занятость в домашних

хозяйствах населения¹. Неформальная занятость обеспечила максимально гибкую адаптацию российского рынка труда к экономическим потрясениям 1990-х гг.

Заемный или лизинговый труд представляет собой разновидность «неустойчивой» занятости наряду с работой по срочным трудовым договорам, договорам подряда, возмездного оказания услуг и пр. Специфика заемного труда заключается в том, что работники нанимаются в коммерческую фирму (кадровое агентство) с целью предоставления их в распоряжение третьей стороны (предприятие), которая устанавливает им рабочие задания и контролирует их выполнение. В более упрощенном варианте содержание заемного труда определяется как финансовая аренда сотрудников – заключение договора о долгосрочной или краткосрочной аренде персонала, в соответствии с которым арендатор на протяжении оговоренного срока выплачивает лизинговой компании плату за временное владение и пользование услугами и компетенцией предоставленного персонала. Термин «заемный труд» часто применяется также в расширительном смысле, с включением работы по схеме аутсорсинга (outsourcing), когда компания передает какую-либо из своих функций, не являющуюся профильной, внешней организации. Однако, в отличие от схем заемного труда, предприятие-пользователь покупает услугу, а не труд конкретных работников, а работник состоит в относительно стабильных трудовых отношениях с другим работодателем, хотя трудится на территории предприятия-пользователя на его оборудовании и в его интересах. Например, охранные предприятия берут на себя обязанность охранять помещение, транспортные предприятия предоставляют услуги водителей, аудиторские фирмы берут на себя выполнение функций бухгалтерии и т. д. Что касается заемного труда, то услуги по его предоставлению предусматривают иные схемы, включающие посредника – кадровое агентство. Эти схемы следующие: